

Дмитрий Чепиков

**СТРАШНЫЕ
РУССКИЕ СКАЗКИ**

СБОРНИК МИСТИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

Дмитрий Чепиков

Страшные русские сказки

«Издательские решения»

Чепиков Д.

Страшные русские сказки / Д. Чепиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-516136-9

Первая книга из серии «Страшные русские сказки» поведает вам о невероятных приключениях охотников на монстров и причудливом переплетении сюжетных линий, а харизматичные персонажи и неожиданные повороты событий не оставят равнодушным ни одного читателя.

ISBN 978-5-00-516136-9

© Чепиков Д.
© Издательские решения

Содержание

Баба-яга	6
Маша и медведи	10
Полудница	18
Домовой	26
Морозко	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Страшные русские сказки

Дмитрий Чепиков

Редактор Анна Миронова

© Дмитрий Чепиков, 2020

ISBN 978-5-0051-6136-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Баба-яга

Василиса стала подозревать в колдовстве новую жену своего отца, служившего деревенским старостой, с того дня, как эта странная, неказистая женщина появилась в их доме. Основанием для мрачных мыслей у молодой девушки стала недавняя смерть матери, на которую в ближнем к деревне прилеске напали дикие звери, обычно далеко стороной обхаживавшие шумное людское место, охраняемое сворой крупных лохматых псов.

Десяток деревенских псин, каждая из которых была размером с матерого волка, прошлой весной растерзал взрослого медведя. Косолапый, на свою беду, забрёл в огород возле Ивашкиного пятистенка. Когда мужики выскочили из домов на звук возни, косматый хищник уже испустил дух, залит талый снег лужами крови из огромных ран, нанесенных собачьими клыками и когтями.

Однако, в тот самый злосчастный полдень, псы с самого утра трусливо жались, поскуливая, возле деревянного колодца-журавля в центре деревни. Никакими окриками не удавалось разогнать животных, сгрудившихся на тропке у колодца и мешавших людям подойти и набрать воды. Женщинам с ведрами приходилось переступать через них. А псы льнули к ним, жалостливо заглядывали в глаза, словно ища помощи. Они определенно были чем-то испуганы...

Страшное не заставило себя ждать. В полдень хмурые мужики привезли на телеге к дому старосты страшную находку, накрытую грязной дерюгой, которая насквозь пропиталась кровью. Василиса, несмотря на то что уже была рослой, шестнадцатилетней девицей, тогда ревела как малое дитя, прижавшись к бледному отцу, едва стоявшему на ногах от горя. Жену старосты Ефима, истерзанную до неузнаваемости дикими животными, односельчане нашли на лесной дороге неподалеку от деревни. Что там делала женщина, у которой было полно забот по дому в тот день, неясно. Пятеро охотников во главе со старостой, похватав рогатины и ружья, ринулись было в погоню, но псов, которые должны были взять след, даже ударами палок невозможно было сдвинуть с места. Мать Василисы похоронили тем же днем. И в тот же день в их доме появилась она.

Анна, крепкая женщина средних лет, давно поглядывающая с интересом на отца Василисы, руководила всем печальным процессом, хотя, вроде бы, никто её об этом не просил и поручений соответствующих не давал. Она и повозку за священником отправила, и богатый, по местным меркам, стол накрыла, оставив его печеным мясом и огромными бутылками с крепчайшим первачом. Откуда столько всего взялось у неё, никто не знал. Впрочем, местные лишней раз не задавали ей вопросов. Побаивались. Анна, как и её мать, да и бабка, трижды была замужем, и все мужики в их семье давно уж на тот свет отправились. Один муж Анны от хвори скончался, другой разбойников после ярмарки встретил, а третий утонул. Слух в народе ходил, что нечистые дела в её избе творятся. Даже священника ей в дом мужики приводили после схода. Тот у неё провел весь вечер и ночь, а наутро мужиков успокоил, мол, всё нормально, не повезло мужьям Анны, воля божья была на несчастья и всё такое. Страха у людей поубавилось, но к вдове всё равно относились настороженно.

Не прошёл и месяц как Василиса матери лишилась, а Анна поселилась в доме старосты, деля с вдовцом постель и подливая ему по вечерам самогона. Еще через неделю отец Василисы и Анна сыграли свадьбу, хоть люди и шептались по углам, что, дескать, нехорошо так скоро. Дом у Ефима был большой, поделенный на комнаты, не как простые избы у селян, скотины полон двор, да и деньги водились. Тот же священник и поженил их, хитровато подмигивая

новой жене старосты. Но Ефим ничего не видел, кроме Анны, ходил за ней по пятам, старался во всем угодить.

Каждый день, с самого утра, когда отец уезжал работать в поле, Василиса оставалась в доме с Анной наедине. Девушка старалась больше времени проводить с немалым хозяйством: ходила за водой, кормила скотину и ухаживала за ней, часами сидела за прялкой, уткнув глаза в работу. Что угодно, лишь бы не встречаться взглядом с водянистыми, серыми глазами мачехи. Анна же не уставала постоянно придирается ко всем делам падчерицы. То воду та принесла в неполных ведрах, то узор не тот на рушниках, и вообще – такой взрослой бабе нечего на плечах родительских сидеть, а пора бы и мужа себе найти.

Василиса пробовала несколько раз пожаловаться отцу, но тот и слышать её жалоб не хотел, говорил, что дочь к Анне придирается. Мачеха же, когда Ефим был дома, просто источала благодущие и любовь к Василисе, хвалила и сладкие пряники подсовывала.

Василиса терпела мачеху только ради отца. Тот с ней казался счастливым. Однако девушка начала замечать, что с Ефимом происходит нечто нехорошее. Богатырь от роду, полтора сажень ростом и восьми пудов весу, Ефим за неделю осунулся, похудел и сторбился. Даже его лицо стало зеленовато-бледным. Приглашать лекаря отец отказывался, потому что Анна всячески убеждала его, что лекаря эти – проходимцы бесполезные. Мачеха поила Ефима отварами, от которых старосте становилось только хуже. Но он не роптал, а приходя с поля, покорно проглатывал подсунутое варево и валился спать без сил.

Так прошло ещё три дня. Ефиму стало настолько плохо, что он не смог подняться утром с постели, однако все так же упорно отказывался от просьб дочери пригласить лекаря. Василиса же после последнего отказа уже сама решила, что завтра отправится за врачом. Пусть ругает потом, будь что будет. Ложась спать, она уже представила, как поедет завтра в город, как привезёт лекаря, и тот поможет её отцу. Главное, чтобы мачеха не помешала.

От волнения девушка долго не могла уснуть, ворочалась, а затем её внимание привлёк какой-то странный звук, исходящий из спальни родителей. До неё донеслось невнятное бормотанье и шипение. Василиса, не зажигая лучины, босая, потихоньку ступая, подкралась к спальне и, заглянув в проем двери, застыла на месте.

Анна стояла рядом со спящим Ефимом, склонившись к его голове, и что-то говорила на непонятном, грубом языке. Мачеха была невысокой, но сейчас казалась Василисе непомерно длинной и худой. Три лучины, горящие по разным углам спальни, прекрасно освещали Анну и отца Василисы, а сама девушка оставалась незамеченной в полумраке. Василиса увидела, что стены спальни изрисованы причудливыми символами, и хотя это были всего лишь пересечения черточек и завитушек, от них повеяло могильным холодом. Внимание падчерицы от созерцания стен вновь переключилось на людей в комнате. Тем временем с лицом мачехи стали происходить невообразимые изменения, оно вытягивалось, нос удлинялся и загибался крючком. Поскольку Василиса сейчас видела Анну лишь в профиль, мачеха стала напоминать ей хищную птицу, готовую схватить свою добычу. Анна взяла бессильного мужа за плечи своими тонкими, но невероятно сильными конечностями и притянула к себе. То, что совсем недавно было её ртом, теперь трансформировалось в тёмную, непроглядную дыру, в которую из приоткрытого рта Ефима медленно потянулась, извиваясь, синеватая дымка.

«Яга!» – зазвенело в голове у Василисы.

Лесной Ягой матери издавна пугали капризных детей, но одно дело услышать, а видеть этот кошмар – совсем другое. Василиса непроизвольно сделала шаг назад. Пол под её ногами предательски скрипнул, и этот звук привлёк к себе внимание Анны. Мачеха швырнула свою жертву на кровать, словно кучу тряпья, и обернулась к Василисе. Громкое шипение наполнило весь дом, переходя на свист, почти оглушивший девушку.

То, что сейчас смотрело на Василису, даже отдаленно не напоминало человека. Рослое и худощавое существо с длинными, до колен, руками и чрезвычайно тонкими ногами, причём неодинаковой худобы. Цветастая рубаха болталась на мачехе, как на жерди, а правая нога была настолько худой, что, казалось, на ней вовсе нет плоти.

«Вот почему говорят – костяная нога», – промелькнула мысль у растерявшейся падчерицы. Мелькнула и тут же пропала, потому что существо двинулось к ней, одним шагом преодолев треть четырёхсаженной комнаты. Василиса силилась закричать, позвать на помощь, но из её горла вырывался лишь сдавленный хрип. Зато ноги слушались. Василиса рванула прочь из избы, перевернув по пути лавку с горшками, а существо не менее стремительно последовало за ней.

Выскочив из сеней, падчерица сообразила, что она попросту не успеет отпереть ворота, чтобы добежать до ближайшего дома и постучать в окно. Девушка решила бежать через огород в подлесок. Она понадеялась, что мачеха на своих «ходулях» увязнет в рыхлых грядках, а тем временем ей удастся, пробежав дугу по подлеску, вернуться в деревню за помощью. Бегала Василиса отменно, редко какой парень-сверстник мог обогнать её, а уж те, кто постарше, и подавно.

Они неслись вдвоём по ночному лесу – жертва и Яга-Анна. Ветки кустов хватили девушку за руки и тело, корни деревьев змеились по земле, норовя обвить ноги, однако Василисе пока удавалось бежать хоть немного, но быстрее Яги. Благо, луна стояла высоко, освещая путь своим призрачным светом. Впрочем, стоило девушке попытаться свернуть к деревенским огонькам, уже почти не мерцающим среди лесной чащобы, как тут же на её пути возникла мачеха. Существо всё дальше и дальше загоняло Василису в лес, подальше от людей, прочь от спасения.

Сумасшедший бег длился добрый час и отнимал всё больше сил. Девушка почти выдохлась, когда выбежала на широкую поляну со стоящим посреди неё охотничьим домом с маленькими окошками. В таких деревянных домишках мужики изредка ночуют зимой или бросают часть крупной дичи, чтобы потом за ней вернуться. Окно дома приветливо светило, а сзади, из чащи, доносилось зловещее шипение Яги, догоняющей падчерицу.

Василиса недолго раздумывала. Она стремглав добежала до домика и дернула на себя входную дверь. На её счастье, дверь оказалась незапертой и с мощным металлическим засовом изнутри. Девушка с трудом задвинула его в пазы, и тут же мощный удар сотряс дверь. Да так, что с потолка посыпалась какая-то труха. На пару мгновений наступила тишина, даже шипение прекратилось. Потом вновь последовали мощные удары и пугающее бормотание. Удары по двери участились и, казалось, сотрясали весь дом.

Василиса беспомощно огляделась. Внутри дом, на удивление, выглядел больше, чем снаружи. На огромном деревянном столе возвышался массивный подсвечник с шестью горящими свечами, в дальнем углу – пустой топчан, а в печи – едва тлеющие угли. Охотников в доме не было, а потому и спасти девушку было некому...

Дверь хрустела и стонала под ударами Яги и вот-вот должна была распахнуться или, что скорее, развалиться. Падчерица отступила вглубь дома, к самой печи, ища взглядом хоть что-то, чем можно дать отпор мачехе. Под ногами захрустело и Василису пробил озноб, когда она увидела, что ступает по высохшим человеческим костям, разбросанным горами возле печки. Многие из них были со следами зубов. Небольшая пирамида из черепов у топчана дополнительно прибавила девушке страху. Куда же ей бежать, если в единственный выход из этой обители смерти рвётся сама Яга?

Металлическое кольцо на деревянной крышке в подпол стало её последней надеждой. Оттуда из щели просачивалось рыжевато-золотистое свечение необычного оттенка. Если там нет прорытого выхода из дома, то хоть проживет чуть подольше, пока сможет удержать крышку. Василиса юркнула в подпол в тот момент, когда входная дверь рассыпалась на щепки.

В подполе девушку встретила очередная неожиданность. Свет в пустом помещении исходил от неведомого зверя, прикованного толстыми цепями к проушинам в стенке. Зверь размером с волка, отдаленно напоминающий кота, озадаченно разглядывал Василису своими четырьмя ярко-зелёными глазами. Его шкура, от макушки до самого кончика длинного пушистого хвоста, и излучала тот самый необычный рыжий свет, что пробивался сквозь щель.

– Ты что ещё такое? – охнула девушка.

Зверь заурчал почти по-кошачьи и потянулся когтистой лапой к гвоздю, на котором висел витиеватый ключ всего в нескольких шагах от него. Цепь совсем немного не позволила зверю добраться до ключа. Существо жалобно завывало, а затем настороженно замерло, прислушиваясь к перестуку шагов Яги наверху. Зверь зарычал, обнажая клыки размером с ладонь, и ненавидяще уставился в потолок своей тюрьмы.

– Так ты не враг мне! Она тебя тут держит! – догадалась Василиса и схватила ключ с гвоздя.

Через секунду единственный замок, испещрённый письменами, был отперт, и тяжелые цепи спали со зверя. Парой прыжков, едва не сбив девушку, существо ворвалось в дом, вышибив мощным ударом крышку подпола. Рычание, визг и шипение слились воедино, оповещая о смертельной схватке Яги и бывшего пленника.

Василиса, мудро решив не ждать исхода драки, выбралась из подпола и, стараясь не смотреть на клубок из тряпья, цепких конечностей и светящейся шерсти, выскользнула из дома. Теперь ей никто не мешал бежать в сторону родной деревни. Звуки битвы ещё долго преследовали её, сменяясь в тональности, пока торжествующий рёв зверя не перекрыл предсмертный крик Яги. Изможденная девушка сбавила бег и вовсе перешла на шаг. Зверя из легенды, гигантского кота Баюна, она не боялась. Она освободила его, и он тут же вернул долг, сражаясь с Ягой насмерть.

К своему дому Василиса добрела перед самым рассветом, когда приветливое солнце уже вставало над верхушками деревьев, а горластые петухи будили крестьян, возвещая на своем птичьем языке победу над тьмой. В сених, опершись плечом на дверной косяк, Василису ждал отец, всё ещё слабый и бледный, но неведомая болезнь стремительно отступала...

Маша и медведи

За месяц до истории с Морозко...

Охотник внимательно следил за ничего не подозревающим оленем, роющим копытом пожухшую осеннюю траву под раскидистым каштаном в поисках упавших плодов. Мужчина в залатанном овчинном тулупе старательно целился из кремневого ружья в благородное животное, ожидая, когда олень повернётся к нему боком для более надёжного выстрела. Вдруг животное вздрогнуло, подняло голову, увитую лесом ветвящихся рогов, и уставилось в сторону охотничьей засады. Затем, совершив грандиозный прыжок, олень устремился в сторону густой чащобы, мелькая быстрой тенью между зарослей дикого шиповника. Охотник безуспешно пытался прицелиться в бегуна, но вскоре потерял его из виду. Поднявшись с хвойного настила, мужчина забросил подвязанный холщовый узел с парой подстреленных глухарей за спину, и, не выпуская ружья из рук, выбрался из своей засады.

Охотник огляделся, пытаясь понять, что спугнуло желанную добычу. В пронизываемом ледяным ноябрьским ветром Олонецком лесу он вначале не уловил никаких изменений. Всё так же, как и раньше поскрипывали ветви, давно лишенные листвы, вдалеке размеренно ухал филин, чувствуя близкие сумерки. Однако вскоре к знакомым уху лесным звукам добавился топот тяжелого зверя, утробный низкий рык и треск ломаемого массивным телом кустарника. Новый шум доносился как раз с той стороны, куда смотрел испуганный олень. Охотник встал на одно колено, привычно упёр ложу ружья в плечо и навел ствол на колючую поросль, сминаемую приближавшимся зверем. Судя по шуму, животное шло прямо на него. Вскоре ближайшие кусты с хрустом раздвинулись, пропуская к охотнику гигантскую тушу бурого медведя. Зверь яростно ревел, подступая к человеку с ружьем, опустив мощную голову к желто-коричневому ковру осыпавшейся листвы. Охотник вздрогнул и попятился. Нет, его испугал не сам хозяин леса, медведей здесь было предостаточно, как живущих в местных лесах, так и пришлых шатунов. Среди них попадались весьма крупные экземпляры весом в пятьдесят пудов и более, но этот зверь был как минимум вдвое крупнее самого большого медведя из ранее виденных охотником. Однако не только это заставило человека отступать...

Глаза медведя горели ярким зелёным огнём, а развёрзнутая пасть изобиловала невероятным количеством крупных, причудливо расположенных клыков. Из пасти животного при каждом выдохе вырывался пар такого же изумрудного оттенка, каким светились его глаза. Медведь подобрался совсем близко, и охотник выстрелил точно в массивный покатый лоб. Однако пуля, не встретив никакого препятствия, со звоном впиалась в ствол осины позади медведя. Охотник на мгновение оторопел, потом бросил ружье и ринулся наутёк. Но зверь был гораздо быстрее его. Тремя прыжками медведь догнал человека, ударил бегущего сзади по ногам, ломая бедренные кости, а затем принялся рвать плоть упавшего, ещё живого, охотника. Умиравший человек ещё скрёб в агонии комья подгнивающей листвы, а хищник, задрав голову к небу, издал победный оглушительный рёв. Из чащобы ему вторили несколько не менее громогласных звериных голосов...

Два всадника медленно ехали по узкой дороге под морозящим дождём вдоль изб небольшой деревеньки, окруженной со всех сторон обширными олонечкими лесами. Короткий осенний день заканчивался, и в округе быстро смеркалось. Полей здесь не было. Охотничье поселение из полутора десятков семей жило за счёт всевозможной лесной добычи: от ягод и грибов до шкур, идущих зажиточным горожанам на шубы. В деревне было малоллюдно –

лишь несколько женщин показались в окнах и тут же спешно закрыли ставни. Выбежавший из ближайшей избы мальчишка был немедленно схвачен за ворот выскочившей вслед за ним старухой и потащен обратно в дом.

– Эй, женщина, погоди! – крикнул пожилой женщине спешившийся всадник.

Второй мужчина последовал его примеру и спрыгнул в чавкающую дорожную грязь, звякнув пристегнутыми к поясу пистолетами. Оба приезжих оказались с головы до ног увешаны оружием, а к седлам коней были приторочены странного вида кремневые ружья с непонятными трубками, прикрученными поверх длинных, шестигранных стволов.

– Чего надобно? – старуха впихнула в избу непослушного ребёнка и обернулась к незванным гостям. – Вы кто такие?

– Я Пётр, а это вот мой брат Фёдор, – рослый мужчина, оказавшийся молодым парнем с густой чёрной бородой, ткнул наверх хлыста в бок своего спутника в длинном дорожном плаще с капюшоном, скрывающим почти всё его лицо так, что виднелась только такая же борода как у его спутника.

– Беловы мы, – сказал второй, названный Фёдором, и отвесил подзатыльника Петру, мстя за тычок хлыстом. Потом многозначительно добавил: – Княжеского рода у тебя гости, бабусь. Нам бы переночевать, да в порядок себя привести, а то вон заросли бородами в пути.

– И перекусить было бы неплохо, – добавил Пётр и похлопал себя по толстому кожаному кошелю, подстегнутому к узорчатому поясу. – Хочешь серебряными рублями, а хочешь – бумажными деньгами заплатим.

– Серебром – оно вернее, ступайте в дом, – ворчливо произнесла старуха, оценив продемонстрированный кошель жадным взглядом выплывших глаз.

– Эй, Степан, – крикнула бабка в приоткрытую дверь. – Гости у нас. Лошадей в стойло заведи, да обе лохани приготовь с горячей водой.

Из-за двери тотчас высунулась седая голова сухонького старичка, повертела во все стороны и тут же спряталась. Через миг старик в грязном тулупе уже распахнул двери гостям и бросился выполнять указания хозяйки.

– За стол садитесь, ближе к печи, – пригласила бабка вошедших в избу путников. Потом недоверчиво спросила: – Точно, князья? С виду больше на беглую тать похожи, чем на господ. И ребячитесь как-то несерьёзно.

– Точно, бабусь, вот те крест! – заверил её Фёдор, усаживаясь на лавку, вплотную придвинутую к тёплой печи, с которой на неожиданных гостей поглядывал испуганный мальчишка. Старуха прищипнула на ребёнка и тот немедля забился в тёмный угол, подальше от пытливых глаз чужаков.

– И как к вам обращаться, ваше сиятельство или ваша светлость? – осведомилась хозяйка, спрятав в подол несколько серебряных монет, выложенных на стол гостем.

– Никак. По имени зови, как сказано, Петром да Фёдором. В нашем деле не до чинов, – последовал ответ.

– В каком деле? – с порога спросил вернувшийся муж старухи. Бабка сердито на него посмотрела, и старик замялся, переступая с ноги на ногу.

– Двух егерей из уезда ищем, пропали у вас в лесу, – Пётр потянулся деревянной вилкой к котелку с дымящейся вареной картошкой, пока его брат усердно резал горячую зайчатину странным на вид клинком. – Малец, а ну бегом к нам за стол ужинать. Почувяв аппетитный запах, мальчишка преодолел свой страх перед незнакомцами и спустился с печи, сопровождаемый неодобрительным взглядом старухи.

– Зря приехали. Не найдёте вы ни их, ни наших мужиков, – с дрожью в голосе произнес дед, тоже подсев за стол к гостям. Старик выставил на стол пузатую бутылку мутного самогона

и вздохнул. – Сами мы кормильца потеряли в лесу, только ружье разбитое нашли да тряпье кровавое. И других тоже...

– Других? – оборвал его Фёдор. – То-то мы смотрим, что из окон на нас одни бабы таращились да детишки.

– И других, – подтвердил дед, наливая гостям спиртное в деревянные чарки. – Семерых мужиков лишились в этом месяце – почитай всех охотников в деревне. Егеря уездные искать их в лес отправились. Выстрелы мы слышали, а из лесу никто не вернулся. За егерями уже никто не пошел. Некому. Я да Потап хромой из мужского полу остались, остальное бабы и ребятня, как вы и подметили.

– Звери нападают или люди? – спросил старика Фёдор.

– Оно-то вроде как звери, – дед покосился на старуху, словно вопрошая разрешения. – А с другой стороны, вроде, как и не звери. Семёновна, соседка, в прилеске зелёный чертовской свет видала, богом клянется.

– Это как? – опешил Пётр.

– Да говори ты им уже, Стёпка, – приказала старику бабка. – И про Марию, про ведьминское отродье расскажи. Она на нас беду накликала.

– То ещё неизвестно, старая! – вскипел дед. – Она раны охотникам травами и заговорами исцеляла и детишек от болезней лечила. А вы, дуры старые, обереги вокруг ее дома изломали и камень, на котором она порошки целебные толкла, выворотили и в овраг бросили.

Братья с любопытством внимали перепалке хозяев, впитывая каждое сказанное ими слово.

– В лес, значит, не ходите теперь? А как мясо добываете? – поинтересовался Пётр, подсовывая мальцу очередной кусок зайчатины.

– Жизнь дороже, милоч. Силки ставим рядом с избами да запасы расходуем. Дичи тут появилось множество, только брать её боязно, – снова вздохнул старик. – Как бы зиму пережить.

– Ну всё, поболтали-поели, идите в баньку, князья, – скомандовала хозяйка. – А я вам пока рогожи постелю, одному на печи с малым, а второму подле неё. Княжеских полатей нет у нас. Уж не обессудьте.

Пока братья отмывались и скребли ножами свои бороды, старики тихо спорили, доедая остатки ужина. Банились Беловы больше часа, пока вода в лоханях совсем не остыла.

– Сведу вас утром к Марии. Лучше неё про наши беды никто не расскажет, – заявил дед вмиг помолодевшим после помывки и бритья гостям. Оба брата теперь и впрямь не тянули больше чем на двадцать-двадцать пять годков. Вскоре гости улеглись спать, нарушив тишину в избе молодецким храпом. Погремев в сенях, дед Степан уселся на скамье у окна и долго ещё с интересом разглядывал при тусклом свете догорающей свечи удивительные ружья Беловых, которые он от греха подальше занёс на ночь в избу.

Утро следующего дня было таким же ненастным, как и шесть предыдущих до него. За околицей долго не светлело, а потом и вовсе начали падать первые редкие снежинки. Рассвет с трудом пробивался сквозь одеяло хмурых туч.

Оставив лошадей и часть поклажи, братья двинулись вслед за ковыляющим Степаном в лес, прихватив ружья и солдатские ранцы, доверху набитые стеклянными пузырьками с разноцветной густой жидкостью и прочим добром. Шли молча, почти след в след, по узенькой тропинке, утопанной почерневшей и прихваченной заморозком травой. Отойдя от деревни в лес на полверсты, компания вышла напрямиком на аккуратную двухэтажную избу с ярко окрашенными пурпуром стенами и двускатной тёсаной кровлей. За оконными стеклами весело прогля-

дывали горшки с цветами, а пространство перед домом украшал большой круг, выложенный из разноцветных камней.

– Пришли. Эй, Мария, к тебе гости! – зычно крикнул дед, осторожно приоткрыв калитку низенького заборчика.

– Не похоже на жилище ведьмы, – поделился с братом Фёдор. – Больно уж чисто и нарядно.

– И черепа детские на шестах не торчат, а под ногами гремучие змеи не вьются, – передразнил его тон мелодичный и приятный женский голос за спиной путников.

Все трое повернулись разом как по команде. Степан, опираясь на палку, а Пётр и Фёдор с ружьями наперевес, вмиг оказавшимися в их руках одним заученным движением.

Правда оружие Беловы быстро опустили, увидев, что перед ними, подбоченясь, стоит ослепительной красоты рыжеволосая девушка, одетая в длинную песцовую шубу. Очаровательные зелёные глаза ведьмы с любопытством взирали на озадаченных Беловых.

– Ну, что благородные господа рты открыли, прошу в дом, – снова прозвенел нежный девичий голос. – А ты, Степан, иди к жене, да не задерживайся в лесу.

Старик вздрогнул, и чуть ли не бегом припустил обратно по тропинке в сторону деревни. Братья переглянулись и, не выпуская из рук оружия, последовали за Марией в избу. Внутри их ждал ещё один сюрприз. Убранство внутри помещения не уступало богатой мебелировке их родного имения. Помимо того, интерьер дополняли всяческие магические принадлежности: хрустальный шар, связки засушенных трав, свечи из чёрного воска, кубки и стопки пожелтевших от времени бумаг. Всё это в изобилии присутствовало на столах и многочисленных резных полках.

– Васька, а ну выплюнь! – послышался возмущенный голос хозяйки, обратившейся к толстому чёрному коту, меланхолично жевавшему мышь на атласном кроватном покрывале. Васька и ухом не повёл, продолжая свою трапезу

– Откуда знаешь, что мы благородные? – спросил Фёдор, прислонив оружие к скамье из красного дерева. Брат последовал его примеру.

– В зеркале вчера видела, что гости ко мне придут, – ведьма сбросила шубу и присела на угол кровати, поглаживая кота, который, наконец, уронил мышь на пол и раздумывал, спрыгивать ли за ней.

– А про то, кто вы такие и какими делами промышляете, знают не только ведающие и живые, но и ушедшие, – девушка понизила голос. – Одним Беловы поперёк горла, другие боятся, третьи восхищаются. О вас говорят такие существа, о которых вы слыхом не слыхивали.

– Любопытно, – произнёс Пётр, всё ещё озираясь вокруг и ожидая подвоха. – А мы как тебе?

– Мне вы нужны, как и я вам нужна. – голос Марии стал жестким. Она резко встала с кровати, испугав кота, бросившегося бежать вверх по лестнице, и нервно заходила по комнате. – Местные испортили процесс одного сложного заклинания, наложенного поверх другого защитного ритуала, и теперь последствия...

– Говори яснее и короче, – строго оборвал ее Фёдор, поглаживая рукоять заткнутого за пояс клинка. – Может ещё удастся спасти хоть кого-то из пропавших людей.

– Не удастся, – отрицательно покачала головой ведьма. – Даже с моей помощью у вас шансов немного. Ваше оружие непростое, но оно бессильно против него. Разве, что кинжалы, но так близко подойти к нему – верная смерть.

– Кого ты выпустила из бездны к людям? – спросил Фёдор, усевшись рядом с братом на скамью.

– Всё было бы хорошо, если бы не сумасшедшие старухи, сломавшие обереги, – обиженно закусила нижнюю губку Мария. Она подошла к самому большому столу и щелчком пальцев зажгла топку медного самовара. – Дичи вокруг деревни становилось всё меньше, поэтому я решила помочь охотникам. Вызов духа-медведя, хозяина леса, при соблюдении определенных правил, дело несложное, если в это дело не вмешивается злой умысел. Цепь оберегов была нарушена, и дух прошел не через те врата. Он зацепил опасное существо из Черного мира, исказившее саму суть доброго духа, сделавшее его чудовищем.

– Опиши его подробнее, – попросил Пётр, поднявшись со скамьи за предложенной чашкой дымящегося чая.

– Всё, что я смогла понять, это то, что мы в итоге получили злобного медведя-призрака, питающегося человеческой плотью и становящегося сильнее с каждым куском съеденного человеческого мяса. Но и это ещё не всё.

– Не всё? – криво усмехнулся Пётр, осторожно отхлёбывая горячий напиток. Фёдор укоризненно посмотрел на него: покойный отец обучал их, без необходимости ничего не есть и не пить в чужих домах.

– Не всё, – подтвердила Мария. – Через три дня их было уже двое, неделю назад появился ещё один. Нарушить границу моего двора они не могут, но деревня... беззащитна.

– Этим можно их убить? – Фёдор распахнул ранец со склянками, демонстрируя содержимое ведьме.

– Нет. Нужно привести их в нужное место, в магический круг перед избой, и удержать там, пока я не отправлю их обратно во врата. Одной мне это не сделать. Дух хозяина леса, конечно же, при этом погибнет, но это меньшее из зол, – Мария замялась и расплескала вторую чашку чая на полированные половицы.

– Договаривай, – приказал Фёдор, видя, что девушке есть ещё что сказать.

– Я видела, что один из вас погибнет. Виделось размыто и неясно кто именно, но один погибнет непременно.

– Хм... – задумчиво промышчал Фёдор, а Пётр присвистнул. В избе повисло напряженное молчание.

– Ну, чего рассиживаться. Как заманить их в круг? – нарушил тишину Пётр. – Мы уже сталкивались с плохими предсказаниями. Обойдётся и в этот раз.

– Это несложно, чудовища агрессивны. Они сразу погонятся за вами. Помните, не сражайтесь с ними в лесу, они быстры. В кругу тяните время, уворачивайтесь, пока я не закончу. – Мария отошла от стола с самоваром к комоду со склянками и сухими травами. – Идите. Я кое-что придумала вам в помощь.

Покинув ведьмину избу, Беловы побрели в чащу, осторожно ступая по первому выпавшему снегу и озираясь во все стороны. В лесу стояла гробовая тишина, верхушки потемневших голых деревьев слегка покачивались, но не издавали ни звука. Издалека донесся протяжный волчий вой, подхваченный десятком звериных глоток. Братья переглянулись.

– Только волков нам не хватало, едрить, – ругнулся Фёдор. – Что про ведьму думаешь, брат?

– Она очень красива, – со странными нотками в голосе проговорил Пётр, вглядываясь в гущу деревьев. – Не похожа на ведьму совсем.

– Да ну. Из-за её колдовства люди погибли, сироты остались в деревне, – возразил ему родственник. – Нужно будет с ней разобраться, когда закончим с духами.

– Местные помешали Марии... – начал было Пётр, но брат остановил его жестом и навел ружье на гущу кустарников. Пётр, опустился на одно колено, аккуратно положил оружие и достал из ранца тонкостенный стеклянный шар с красной жидкостью.

– Испробуем тётушкин рецепт, – подмигнул он своему товарищу, тоже услышав тяжелый топот за кустарником.

Зверь не заставил себя долго ждать, круша все на своем пути и распространяя вокруг себя зелёную дымку.

Братья не дожидались, пока хищник приблизится к ним. Грянули выстрелы, точно попавшие в цель. В этот раз пули завязли в туше зверя, расцвели оранжевыми вспышками и ненадолго приостановили медведя. Хищник ошеломленно замотал головой, призывно заревел и вновь помчался на Беловых. Братья теперь улепётывали со всех ног в сторону магического круга. Рёв доносился до убегающих людей слева и справа. Два гигантских медведя присоединились к погоне, зажимая Петра и Фёдора в полукольцо. Светящиеся зелёным магическим цветом хищники всё ближе мелькали за деревьями, приближаясь к братьям с каждой секундой. Когда один из медведей оказался на расстоянии верного броска, Пётр швырнул в зверя стеклянный шар. Стекло разлетелось вдребезги, а могучее тело монстра окутало жгучее алое пламя. От жуткого вопля, совсем непохожего на медвежий, затряслись стволы ближайших деревьев. Волшебный состав пламени проник в неземное существо, засевшее в медвежьем теле, причиняя ему нестерпимую боль.

До ведьминога круга оставалась треть пути, когда два из трех хищников нагнали Беловых в тесной ложбине. А третий зверь, опередив братьев, перегородил им путь к избе. Отбросив в сторону бесполезные разряженные ружья, люди стали спина к спине и выхватили пистолеты. Выстрелы пулями с высеченными на них кельтскими рунами на чудовищ не произвели никакого впечатления. Сжимая в руках ножи, Беловы приготовились к рукопашной.

От монстров их отделяли считанные шаги, когда на медведей обрушилась волчья стая. Помощь от Марии подоспела как нельзя вовремя. Волки стремительно атаковали свирепых чудовищ, повисая на них и кусая за всё, куда могли дотянуться. Они значительно уступали медведям в размерах, но не в ярости и ловкости. В их рубиновых глазах было не меньше ненависти к пришельцам из другого мира, чем у их противников. Волки погибали один за другим, устилая своими разорванными телами дорогу к ведьминому кругу и дав братьям возможность добежать до нужного места. На крыльце избы их уже ждала Мария. Она была в странном облачении, напоминавшем рясу с глубоким капюшоном, а в руках держала старинную, истрепанную книгу в серебряном переплёте. Расправившись со всеми волками, к избе приближались и медведи, утробно рыча и принюхиваясь. Чудовищ сбило с толку то, что люди, которые убежали от них, внезапно остановились и изготовились к схватке, выдернув из центра круга черные длинные палаши, приготовленные для них ведьмой. Клинки с роскошной гардой, сплошь покрытые вытравленными письменами задрожали в руках у Беловых, переполняясь энергией.

Как только три медведя ступили в магический круг, их атаковала новая порция волков, появившаяся прямо возле избы. В этот раз братья присоединились к схватке. Они наносили быстрые удары монстрам, кружились вокруг них и ловко уворачивались от взмахов мощных лап и укусов клыкастых челюстей. Шум стоял невообразимый. Вихрь из когтей, клыков и черной стали слился в одно целое, пока Мария, покачиваясь, читала заклинание на незнакомом братьям языке. Казалось, это длилось целую вечность. Наконец, ведьма замолчала. Круг вместе со всем содержимым наполнился ослепительно-белым светом, озарив тусклый лес в радиусе сотен саженей.

Когда свет погас, в ведьминога кругу остались только два измотанных, пошатывающихся человека. Магические медведи-людоеды пропали вместе со стаей призванных Марией волков.

– Просчиталась ведьмушка с предсказаниями, – язвительно заявил Фёдор, с нежностью потирая эфес клинка – Эти штуковины мы, пожалуй, заберём себе. Да и с тобой пора поговорить по-нашему.

– Федь, погоди ты, – одёрнул брата Пётр, а Мария обиженно насупилась и захлопнула книгу.

Поговорить по-свойски с ведьмой у Беловых не вышло. Четвёртый хищник вынырнул из-за угла избы и с невероятной быстротой атаковал растерявшихся людей. Фёдор, стоявший спиной к зверю, принял первый удар. Острые, как кинжалы, когти, разодрали одежду с подшитыми защитными пластинами, и вонзились Фёдору в тело. Он рухнул на истоптанную в предыдущей схватке землю, заливая её кровью из глубоких ран.

Следующим ударом зверь разодрал руку Петру, тесня его к крыльцу избы. В руках у Марии, вместо книги, невесть откуда появился деревянный посох с костяным наконечником, и девушка несколько раз прилично огрела им медведя, вышибая при каждом ударе из шкуры чудовища сноп зелёных искр. Однако это действие лишь разозлило могучего врага. Зверь отшвырнул девушку, сломав посох, но, к счастью, не причинил ей особого вреда. На ногах остался только Пётр. По его руке, из открытой раны лилась кровь, стекая даже по лезвию палаша. Белов чувствовал, как правая рука, держащая меч начинает неметь. Он прекрасно фехтовал обеими руками, но сейчас пальцы левой руки были изранены до такой степени, что и думать было нечего перебросить палаш в другую руку. И Пётр решился.

Рванув вперёд в отчаянном прыжке, он рубанул изо всех сил по толстой шее медведя. К его удивлению палаш с лёгкостью разрубил плоть хищника и застрял в позвоночнике существа. В следующее мгновение неведомая сила отшвырнула Петра на десяток шагов. Медведь залился алым светом, съежился, как пустой бурдюк, а потом и вовсе исчез в красноватом мерцании...

Пётр с трудом поднялся на ноги и направился к брату, мертвея от страха, что потерял Фёдора навсегда. Возле лежавшего на животе парня уже склонилась Мария и лила тягучую синюю жидкость прямо на ужасные раны на спине Белова. Пётр не верил своим глазам: разорванные мышцы стягивались в прежнюю форму, восстанавливались даже поврежденные участки кожи. Однако Фёдор был всё ещё без сознания.

– Помоги занести его в избу, – приказала Мария, как-то странно поглядывая на Петра. – Твоя кровь...

– Что моя кровь? – спросил Пётр, помогая тащить обмякшего брата к крыльцу.

– Твоя кровь на клинке сразила существо из Чёрного мира. Это невероятно! – девушка пнула дверь ногой в изящном сапожке, и они втащили Фёдора в тёплую избу.

– Когда он придёт в себя? – спросил Пётр, без сил усевшись на гору выделанных шкур рядом с кроватью, когда его брат был уложен и заботливо укрыт шерстяным пледом.

– Дня три-четыре и можете снова носиться по миру со своими глупыми делами, – ведьма погрузилась в гору свитков, что-то сверяя, потом протерла рукавом старое медное зеркальце и вздрогнула, всматриваясь в него.

– Дня три-четыре, – задумчиво повторила она. – Научу тебя за это время чему-нибудь полезному, чтобы вы с братом не сгинули в случайной драке с обычным вурдалаком или нетопырём. Мы не можем позволить этого себе, ибо грядет буря, которой не было тысячу лет!

Пётр хотел было расспросить Марию поподробнее о сказанном, но уснул от усталости, там же где и сидел.

Ведьма взглянула на улыбающегося во сне Петра, перевела взгляд на безмятежного Фёдора, грустно покачала головой и направилась на второй этаж. Там, среди гор заклинатель-

ных книг и гримуаров, она надеялась отыскать решение надвигающейся беды, по сравнению с которой, сегодняшняя схватка в магическом кругу была лёгкой прогулкой...

Полудница

Это был один из тех июльских дней, когда даже легкий ветерок не нарушал вступившую в полную силу полуденную жару. От бескрайнего пшеничного поля, налитого тяжёлым вызревшим зерном, далеко разносился мерный гул комбайна, упорно собиравшего метр за метром богатый урожай. Тут же неподалеку несла свои воды небольшая речушка. Таких полей, раскинувшихся вокруг Старой Ивантеевки, предстояло убрать еще двенадцать. Нагретый воздух колеблющимся маревом поднимался ввысь от почвы, как будто и без того тепла было недостаточно. От неумной жары притихли полевые птицы, весело щебетавшие какой-нибудь час назад, даже насекомые старались забиться в щели растрескавшейся почвы. Все живое разбегалось, разлеталось и расплзлось, ища хотя бы ненадолго спасительную тень.

В кабине комбайна тем временем царил приятная прохлада, сотворенная импортным кондиционером, который, как и все остальное оборудование в этой французской технике, работал как часы. Павел Петрович, полный седой мужчина лет пятидесяти, по-барски развалился в кресле водителя, слегка подруливая одной рукой. Он задумчиво смотрел на сминаемую валами девятиметровой жатки бесконечную пшеничную реку и изредка поглядывал на монитор, закрепленный справа от водительского места. Эта технологичная штука меняла изображения, поочередно показывая то обороты двигателя, то уровень среза пшеницы или ещё какую-то полезную информацию. Раньше умный компьютер развлекал Павла Петровича голосовыми сообщениями о тонкостях рабочего процесса, но фермеру это быстро наскучило, и он отключил звук в устройстве. Сейчас мысли Павла витали далеко от этого места. Он вспоминал о том, как в далёкой молодости, работая на советском комбайне, ему и не снились такие удобства. Хотя тогда многое воспринималось по-другому, как-то легче морально, живее, по настоящему. Вот взять, например, уборку в восемьдесят седьмом, когда Нюрка привозила ему обед в поле. Тогда молодой Павел после перекуса заваливал девушку на заботливо расстеленное в тени комбайна истрёпанное жёлтое покрывало и...

Внезапно комбайн дернулся и стал, будто наткнулся на невидимую преграду, оборвав воспоминания Павла Петровича на самом приятном месте. Монитор жалобно пискнул, выдав ошибку и потух. А затем... экран устройства покрылся инеем, как и все поверхности внутри кабины комбайна.

– Какого чёрта? – выругался водитель и недоуменно уставился на неработающую панель приборов. Потом перевел взгляд на охваченные морозными узорами стекла кабины, сквозь которые уже ничего нельзя было разглядеть. Фермер почувствовал, как колючий ледяной холод пробирает всё его тело и, следуя инстинкту самосохранения, рванул из кабины наружу, оставив на ручке дверцы лоскуты мгновенно примёрзшей кожи. В панике, Павел даже не обратил внимания на боль в руках, им двигало нестерпимое желание бежать отсюда, отключая все остальные мысли.

Снаружи было не намного теплее. Замершая техника, как и небольшой участок пшеничного поля вокруг неё, был густо покрыт пушистым снегом. С трудом разлепив смерзающиеся ресницы, Павел разглядел, что шагах в двадцати от него территория холода заканчивается. Там по-прежнему было разгоряченное колосающееся поле. А значит, там было единственное спасение от этого проклятого холода, который буквально обжигал тело фермера. Павлу Петровичу было не до того, чтобы строить разумные объяснения происходящему. Он решительно двинулся вперед, подальше от комбайна. Хрупкие от сильного мороза стебли пшеницы рассыпались в прах под деревенеющими ногами Павла, едва он сделал несколько шагов в сторону спасения.

Ему удалось преодолеть половину пути к спасительному теплу, когда за воротник рубашки его схватила нечеловечески сильная рука, удерживая на месте. В молодости Павел увлекался гиревым спортом и был весьма сильным и рослым мужчиной весом в девяносто килограммов. Конечно, с годами он растерял форму и прибавил добрых два десятка килограммов, начал курить, но был все-таки ещё очень крепок. А сейчас, этот здоровый мужчина, располагая весом больше центнера, трепыхался словно пойманный сторожем худосочный мальчишка, не в силах сделать даже шага. Что же удерживало его? Фермер пытался обернуться и посмотреть. Шестое чувство подсказывало, что оборачиваться не нужно – ему не понравится то неизвестное, что он может увидеть. Нужно продолжать попытки вырваться вперед.

Тщетно. После нескольких бесплодных рывков, отнявших последние силы, Павел повернул голову к тому, что цепко держало его за рубаху и причиняло дикую боль, там, где касалось кожи спины и шеи. И тут же застыл, но уже не от холода, а от леденящего ужаса. В упор на него глядело истлевшее женское лицо, застывшее в посмертной маске. Вместо глаз на фермера взирали тёмные провалившиеся глазницы, а кожа, там, где она ещё оставалась, была бледно-синего оттенка. На одной щеке не хватало не только кожи, но и изрядного куска мышц, из-за чего виднелась часть челюсти с несколькими пожелтевшими зубами. Сама челюсть, точнее её нижняя часть, отвисла под тяжестью выпавшего неестественно длинного и распухшего лилового языка, который покачивался туда-сюда словно маятник. Каким монстр был ниже Павел увидеть не смог, так как вторая цепкая рука схватила его за волосы и начала с неимоверным усилием задиравать голову фермера вверх и в сторону, выворачивая её.

Павел Петрович всю жизнь был атеистом, но сейчас, задыхаясь и хрипя от боли и ужаса, он молил о спасении. Однако божественной помощи не последовало. Шея фермера хрустнула как сухая ветка. Как только жизнь покинула мужчину, существо выпустило свою жертву, издав при этом странное шипение. Обмякшее тело жертвы грузно рухнуло на землю, приминая подмерзшую пшеницу. В следующее мгновение монстр словно потерял свои цвета, побледнел и исчез, а воздух вокруг места гибели фермера еще с минуту мерцал синими искорками. Холод пропал вместе с исчезновением существа, тут же уступая место полуденной жаре, которая незамедлительно растопила остатки инея на комбайне и трупе...

Тело фермера нашли через два с половиной часа. Четырнадцатилетний Серёжка, проезжавший мимо поля на дряхлом мопеде, увидел комбайн «дяди Паши», беспомощно замерший посреди пшеничной нивы. Мальчик оставил мопед на краю грунтовой дороги и неспешно побрёл к комбайну. Фермер частенько тайком от родителей подростка делился с ним парой сигарет. Дойдя до комбайна и обнаружив застывшее потемневшее тело с неестественно вывернутой головой, мальчишка сдавленно вскрикнул и опрометью побежал назад, к мопеду. Поднимая шлейф пыли, подросток рванул домой, выжимая всю возможную скорость из своего выдавшего вида мопеда.

Еще через час на месте происшествия, изнемогая от жары, уже работали взмокшие люди в полицейской форме. А на краю поля образовалась целая вереница машин сельчан, приехавших из Ивантеевки быстрее полиции. Серёжкина мать, сразу после того, как примчался перепуганный сын, позвонила в полицию и тут же оповестила о новости соседку, та другую и молва разнослась со скоростью ураганного ветра.

Сотрудники следственно-оперативной группы, состоящей из дежурного уполномоченного, следователя и эксперта-криминалиста, старались как можно быстрее завершить необходимые процедуры. Местный участковый Репин занимался же тем, что опрашивал сельчан, бестолково мнущихся возле полицейских машин и «труповозки». Хмурая лоб и записывая что-то в потрёпанный синий блокнот, участковый прикидывал, кто из ивантеевцев может оказаться полезным следователю и записывал фамилии.

– Ну, всё, нечего глазеть тут, расходитесь, сейчас увозить будут, потом всё узнаете, – пробасил участковый местным, когда двое полицейских направились от места преступления к своим машинам.

Репин махнул рукой водителю «труповозки» и двум автоинспекторам, мол, езжайте забирать. Машина заревела мотором и, сминая пшеницу и переваливаясь на неровностях, медленно поползла в сторону комбайна.

– Граждане, к технике не подходить, – огласил толпе и не думавшей расходиться, подошедший низенький следователь. – Завтра на месте преступления прокурорские будут, так что топтаться там запрещено. Да где там Пётр Васильевич?

Последняя фраза была явно обращена к высокому худому криминалисту, неспешно бредущему по полю и прислонившему сотовый телефон к уху.

– Да опять Полине из бухгалтерии названивает наверно, кобель старый, – осклабился в хитрой ухмылке участковый, с ехидцей глядя на постоянно и везде опаздывающего криминалиста.

Тем временем разговор по телефону у прихрамывающего на левую ногу, почти лысого криминалиста шёл на тему, о которой его коллеги даже и подозревать не могли.

– Сто процентов по нашей части труп, Тёма. Такой же, как те два в девяносто третьем, – низким баритоном проговорил криминалист. – Тридцать пять градусов в тени, а на теле жертвы есть обморожения, шея сломана, в радиусе метров пятнадцати возле техники пшеница в пыль рассыпалась. Я, конечно, напишу, что положено, но ты давай руки в ноги и мчись сюда. Когда оглядишься, ко мне езжай. Буду ждать.

Криминалист прошел ещё с десяток шагов, внимательно прислушиваясь к ответу своего собеседника, а затем обернулся и помахал рукой коллегам. Пора было возвращаться и готовить всё необходимое для человека, которого он называл Тёмой.

Вечернее солнце уже начало медленно сползать с небосвода за лесополосы, удлиняя тени от деревьев и столбов электропередач, когда на дороге, ведущей к злосчастному полю, появился очередной посетитель. Молодой мужчина приятной наружности, лет тридцати, в тёмных потёртых джинсах и синей рубашке-поло, уверенно вёл по неровной грунтовке синюю четырехдверную «Ниву». Из приоткрытого окна отечественного внедорожника на всю округу разносилась ревушая композиция панк-рока из очередного альбома «Короля и Шута». Музыка время от времени становилась тише, когда автомобиль поддавал скорости или нырял в дорожные ямы.

Запыленная машина остановилась там же, где днём стояла скорая, с хрустом наехав правым передним колесом на пустую пластиковую бутылку, выброшенную кем-то из местных. Заглушив двигатель, водитель выбрался из машины, бросил быстрый взгляд по сторонам и открыл багажник. Убрав со дна багажника пару внушительных пакетов с продуктами, ещё какое-то тряпье и алюминиевую запасную канистру, мужчина нажал на спрятанный рычажок и выдвинул потайное отделение. Содержимое полки скрытого багажника вызвало бы недюжинный интерес у любого сотрудника из правоохранительных органов.

Чего здесь только не было: укороченное гладкоствольное ружье «Сайга-410К», коробки с патронами, бронежилет, два пистолета – Макарова и Стечкина, несколько охотничьих ножей внушительного размера, с десяток непонятных электронных приборов, куча разномастных тканевых мешочков с непонятными символами и целый ящик с разнокалиберными прозрачными флаконами, в большинстве из которых бултыхалось содержимое, а в некоторых нечто даже шевелилось и скребло малюсенькими лапками стенки сосудов. Всё это богатство дополняла пачка качественно выполненных удостоверений: ФСБ, полиции, пожарной службы и многих других. Все они относились к разным организациям, но содержали в себе фотографию и имя

одного и того же человека – Артёма Юрьевича Чернова, того самого, который сейчас с задумчивым видом перебирал своё необычное имущество в багажнике машины.

Наконец, Артём выудил из всего этого добра прибор, напоминавший миниатюрный тестер и включил его. «Тестер» тонко запищал и весело заморгал разноцветными светодиодами. С ним Артём и зашагал к месту гибели фермера, где одинокий комбайн в лучах закатного солнца казался почти чёрным и оттого ещё более зловещим. С каждым шагом прибор в руках человека пищал всё громче, а светодиоды на устройстве теперь перестали мигать и горели ровным синим цветом. Артём несколько раз обошел комбайн, потрогал ладонью почву, не спуская глаз с прибора, удовлетворённо хмыкнул и пошёл обратно к своей машине.

Молодой человек добрался в райцентр уже затемно. Его «Нива» долго петляла по улицам посёлка, пока не уткнулась в высоченный металлический забор с витиеватыми рисунками, за которым виднелась зелёная крыша довольно большого двухэтажного дома. Над воротами с домофоном, закреплённая на приличной высоте, грозно поблескивала красным огоньком камера наблюдения. Артём подошел к домофону и нажал кнопку вызова. Заиграла спокойная классическая музыка, а камера двинулась и нацелилась на вечернего гостя, державшего в руках пакеты с продуктами. С минуту никто не отзывался на звонок.

– Тёма, ты? – наконец раздался искаженный микрофоном, недоверчивый голос эксперта-криминалиста.

– Я, кто же ещё, дядь Петь, – устало ответил молодой человек, переминаясь с ноги на ногу.

– Сейчас погоди, открою, – последовал ответ. Ворота загудели и медленно поползли в сторону. Как только Артём вошел во двор, створки тут же сдвинулись в исходное положение, закрывая двор от нежелательных взглядов. На крыльце появился криминалист Пётр Васильевич и, прихрамывая, двинулся к племяннику.

– Ну и окопался ты тут, дядя Петя, – улыбнулся Артём, поставив пакеты с продуктами на дорожку, ведущую к дому и быстро обняв родственника.

– Время такое, творится что ни попадя. Пойдем в дом, есть что обсудить, – криминалист подхватил пакеты, отдав перед тем крохотный пульт от ворот племяннику. – Загони машину во двор, на всякий случай.

Вскоре Артём и его дядя сидели в удобных креслах просторной гостиной, богато уставленной антикварной мебелью. Оба полированных журнальных столика рядом с их креслами были завалены потрёпанными старыми книгами и документами в прозрачных папках. Артём водрузил на столик свой походный ноутбук и быстро перелистывал страницы браузера, время от времени сверяясь с синей книгой внушительного размера, украшенной великолепным золотым тиснением. Пётр Васильевич, не особо доверяющий современной цифровой технике, также был погружен в поиски информации, обложившись десятком книг и пухлых папок, пожелтевших от времени. Добрый час родственники сидели молча, зарывшись в бумаги, и изредка делали по глотку холодного пива из больших прозрачных кружек. Наконец, Пётр Васильевич захлопнул очередную папку и откинулся на спинку кресла, уставившись на племянника.

– Думаю, что это полудница или ржаница. Иногда её называли серповницей, – произнес эксперт. – Вот только по большинству свидетельств эти дневные духи не должны убивать людей. Максимум, могут вызвать головокружение и тепловой удар у того, кто, по их мнению, не должен работать в поле около полудня, особенно любят донимать тех, у кого достаточно грехов на душе.

– Не согласен! – возразил молодой человек. – Вот пишут, что они могут обжечь холодом или жаром до смерти и вообще отвернуть голову или снести ее серпом какому-нибудь оди-

нокому бедолаге, просто уснувшему в поле. Ребёнка могут похитить. Обычно они привязаны к какому-то постоянному месту.

– Последний раз их лет сто пятьдесят назад видели, ну кроме тех трупов, что я тебе говорил, – покачал головой криминалист. – Но я там не был уверен на сто процентов, что это дело рук полудницы. Тогда интервал между смертями был пару дней. Так что ждать нам на днях очередной «глухарь», если я правильно цикл понимаю.

– Нигде не пишут, как прикончить её навсегда. Только обереги и рекомендации, как избегать, – задумчиво сказал Артём. – И вот ещё. Самые опасные из них, это ночницы, выродившиеся в дневных духов. В сербских рукописях пишут, что они сильные, быстрые, стали и огнестрельного оружия не боятся. Неуязвимы, когда просто появляются, но не нападают.

– Значит, на них в этот момент можно воздействовать, Тёма. Осталось придумать как.

– Используем твоё изобретение, насколько я помню, с упырями оно отлично справилось, – племянник Петра хитро прищурился. – Нанесу на нож и поиграю с тварью.

– Один не пойдёшь! – возразил криминалист. – Даже и не думай! Завтра служба часам к десяти на месте всё закончит, а там и мы подтянемся к полудню. Да что ты гривой машешь?

– Неа, дядь Петь. Не прокатит, – Артём сделал большой глоток пива и продолжил. – Сказано же, нападает на одиноких путников в поле или у дороги. А нам не спугнуть её надо, а прикончить. Ну, если я не справлюсь, тогда ты в следующий раз попробуешь.

– Ну да, лет через двадцать. Ты упрямый, как и твоя сестра, – уставшим голосом сказал Пётр Васильевич. – Только попробуй мне умереть, у меня же никого кроме вас с Ксюшкой не осталось.

– Не нагоняй тоску, дядь, – с деланным весельем возразил племянник, хотя чувствовалось, что у него тревожно на душе. – Не в первый раз на работу иду, справлюсь. А ты, чтоб меня завтра к вечеру ждал с шашлычком – замаринуй с утра. Сделай, как я люблю, с лимоном. Пойду спать, благо, выспаться можно, раньше обеда это полевое чудо не объявится.

С этими словами Артём встал и, прихватив бутылку пива и пакет солёных орешков, отправился в гостевую комнату, оставив своего встревоженного родственника в компании книг и папок. Криминалист тяжело вздохнул и вновь погрузился в тайны многочисленных документов, пытаясь найти максимально надёжное решение для завтрашнего дня. За этим делом его и сморил сон.

Утро нового, летнего дня было таким же, как и предыдущее до него. Спасительная ночная прохлада быстро улетучилась, снова уступая место палящему зною. Пётр Васильевич уехал на работу, не став будить племянника, мирно храпящего на тахте вместе с уткнувшимся ему в бок соседским котом Фердинандом. Эта рыже-полосатая шестикилограммовая bestия третий год жила фактически на три соседних дома и за раз съедала столько, что потом с трудом могла двигаться. Но всё равно люди животное любили и позволяли любые кошачьи вольности.

Одним из очень полезных качеств, как считал Артём, было его умение спать столько, сколько необходимо – ведь неизвестно, когда и сколько удастся поспать в следующий раз. Иногда приходилось сутками выслеживать опасную цель, а если зазеваться, то можно легко было стать не охотником, а растерзанной жертвой. Проспав около десяти часов, молодой человек чувствовал себя полным сил и абсолютно готовым к своему нелегкому делу.

Почесав живот валяющемуся на спине коту, Артём отправился в подвальный этаж. Здесь у его дяди была «мастерская», а по сути, помещение представляло собой целый склад всевозможного холодного и огнестрельного оружия с химической лабораторией и ящиками с медицинскими препаратами. Десятки стальных шкафов были доверху набиты необычным содержанием. Ниже «мастерской» у Петра Васильевича размещался ещё один этаж, запёртый мощным стальным люком, куда хозяин дома не пускал никого. Криминалист ещё с совершеннолетия Артёма обещал ему открыть некие тайны, хранящиеся внизу, но всё почему-то откладывал.

Племянник особо и не настаивал, его жизнь и без дядиных секретов была заполнена яркими, неожиданными, зачастую смертельно опасными, событиями. Немым доказательством этого служил десяток неровных шрамов на теле Артёма.

Открыв один из шкафов, молодой человек взял с верхней полки пару прозрачных пузырьков, наполненных искрящейся «смесью» и отправился к машине. «Смесь» была личным изобретением криминалиста, которым он пользовался, когда об оружии для нейтрализации очередной твари было известно недостаточно. Также вещество отлично себя проявляло вместе с традиционными известными средствами, значительно усиливая их эффективность. Правда, на открытом воздухе оно действовало недолго, не более часа-полтора. Пётр Васильевич долго думал, как назвать свое «ноу-хау», перебирал множество названий, но в итоге вещество так и осталось просто «смесью». Проверив ещё раз все необходимые вещи, уже лежавшие в багажнике «Нивы», Артём завел двигатель.

На поле молодой человек вернулся точно к полудню. Он припарковал «Ниву» в лесополосе рядом с убранным с поля комбайном. Сельхозтехнику не стали отгонять в деревню. Трагедия трагедией, а поле нужно было убирать в ближайшие дни, пока пшеница не осыпалась. Только охотников работать на комбайне мертвеца пока не нашлось.

Даже в тени густых деревьев стояла такая духота, что Артём через минуту уже был весь взмокший. Впрочем, молодой человек жару переносил куда лучше, чем холод. Он достал из багажника длинный нож, откупорил склянку и осторожно посыпал искрящимся порошком лезвие оружия. На несколько секунд сталь вспыхнула подобно новогоднему бенгальскому огню, но тут же потухла. На лезвии остались зеленоватые разводы, что было обычным делом, когда использовалась «смесь».

– Встречай гостя, дорогуша, – сказал вслух Артём, надвинув на лоб бейсболку.

Он достал из кармана телефон, явно намереваясь позвонить кому-то, но потом передумал и спрятал обратно. Подумав, он порылся в багажнике и выудил оттуда бронежилет из баллистического полиэтилена, по качеству не уступавшего бронестали. Одним из достоинств этой защиты было то, что она не пищала на рамках металлодетектора, а это иногда было нужно молодому человеку в его опасном деле. Он подцепил нож к ремню и побрёл в просторы пшеничной нивы.

Целый час Артём бродил по полю, изнывая от жары. Солнечные лучи нещадно жгли открытые участки кожи рук и шеи. Молодой человек брёл, опустив голову, и думал о том, как хорошо было бы сейчас нырнуть в прохладную речную воду, до которой было пять минут ходьбы. Безрезультатное хождение Артёму порядком надоело, он решил вернуться к машине, чтобы выпить банку холодного лимонада из сумки-холодильника, и вернуться к дяде. Возможно, они где-то ошиблись в расчётах, и полудница, выполнив свое чёрное дело, не появится здесь теперь многие годы. Или это вовсе было что-то другое. Такие случаи, когда сверхъестественное существо больше не появлялось, или оказывалось достаточно сообразительным, чтобы не попасться Артёму, редко, но всё же бывали.

– Эй, парень! Не знаешь, здесь можно искупаться? – окликнул молодого человека приятный женский голос, когда он почти вернулся к машине, стоявшей в лесополосе.

Давненько Артёму не попадались столь привлекательные особы. Босая белокурая девушка в коротком белом платье с интересом смотрела на Артёма. В одной руке она держала плетёные сандалии, а другой прикрывала глаза от слепящего солнца. У её ног валялся небольшой синий рюкзачок с вышитым розовым зайцем. Молодой человек непроизвольно уставился на длинные стройные ноги незнакомки. Приятный вид симпатичной туристки поднял ему настроение. В женской красоте Артём разбирался не хуже, чем в чудовищах, поэтому сейчас не собирался упускать столь удачное знакомство.

– Купаться можно, но одной запрещено! Течение быстрое, опасно... – улыбался во все тридцать два зуба молодой человек, явно предлагая девушке свою компанию.

– Только, если вы потом довезете меня до вокзала, набродилась я уже здесь, – в ответ улыбнулась незнакомка. – Меня Настя зовут, а вас?

– Тёма, и давай на «ты»!

– Ладно, давай, – в этот раз улыбка девушки была ещё более очаровательной. Она подняла из дорожной пыли и протянула Артёму свой рюкзачок. – Положи пока это в машину, не хочу с собой таскать.

Тёма быстро схватил рюкзак, с удовольствием отметив прекрасную фигуру Насти, и то, что платье на ней, скорее всего, было надето на голое тело.

«Интересно, она будет купаться без купальника?» – подумал молодой человек, повернулся и быстро зашагал к багажнику, пока Настя не передумала или не вспомнила про купальник, кусочек завязки от которого был прихвачен неровно застегнутой молнией рюкзака.

Артём приподнял крышку багажника «Нивы», чтобы положить Настин рюкзачок и взять пару банок холодного лимонада. Он склонился над багажником и неожиданно уголком бокового зрения, увидел на блестящем отражении хромированного бампера несущуюся к нему странную фигуру в белом развевающемся тряпье. Реакция молодого человека, была стремительной, даже слишком стремительной для его довольно мощной комплекции. Выпустив из рук рюкзак, он выхватил из-за пояса нож и совершил кувырок в сторону, прокатившись по вмиг заледеневшей траве. Холод в одно мгновение наступил такой, что Артём почувствовал, как он ему сдавил лёгкие, не давая нормально вдохнуть воздух. Металлические части рукояти ножа обжигали ладонь, а глаза начали нещадно слезиться. Но, в отличие от погибшего фермера, Артём не стал лёгкой жертвой для того существа, которое ещё несколько секунд назад было прекрасной и милой девушкой.

Человек с ножом и кошмарный, иссохшийся, тлетворный труп в обрывках белой ткани быстро кружили на расстоянии нескольких шагов друг от друга. Полудница, парящая сантиметрах в десяти от поверхности травы, раз за разом выбрасывала в сторону неожиданно прыткой жертвы цепкие омерзительные конечности, и окружала себя кольцом нестерпимого холода, когда Артём подбирался со своим ножом слишком близко. Так продолжалось больше двух минут. Перевес силы в схватке начал явно склоняться на сторону монстра. Артём все тяжелее дышал и начал медленно пятиться к машине. Его бронжилет был разорван на груди и животе, на плече красовался вздувшийся ожог от морозного прикосновения, а полудница не выказывала ни малейших признаков усталости.

В какой-то момент тварь посчитала своего противника выдохшимся и рванула добить Артёма. Однако тот сделал короткий шаг в сторону и, пропуская мимо себя врага, вонзил нож по самую рукоять между костлявых лопаток полудницы. На всякий случай, после этого, молодой человек подальше отскочил от чудовища.

Полудница изогнулась дугой и издала такой пронзительный вопль, что Артём чуть не оглох. Он закрыл уши руками, а существо тряслось и металось из стороны в сторону, не переставая визжать, переливалось голубоватым свечением. Визг постепенно затихал. В конце концов полудницу охватило прожорливое пламя такого же синеватого оттенка. Сгорающие останки рассыпались пеплом и быстро оседали на высохшую траву несколькими мелкими кучками. Вскоре от ужасного монстра практически ничего не осталось.

Впрочем, свой трофей Артём все-таки получил. Он подошел к кучке осевшего пепла подобрал нож и осторожно ковырнул останки носком кроссовка. В свете солнца что-то блеснуло, и молодой человек подцепил острием ножа блестящую цепочку, на которой висел золо-

той медальон. Протерев от пепла медальон, Артём внимательно оглядел крышку с гравировкой «Анастасии от Виктора». При нажатии сбоку на подпружиненную защёлку медальон легко открылся, и на Артёма с миниатюрной фотографии теперь смотрела та самая девушка, которая звала его купаться. Разве что, волосы у неё были длиннее. На обороте фотографии он обнаружил полустёртую надпись «... аст... с любовью ... 1914». Больше ничего разобрать было нельзя.

Молодой человек вставил фотографию на место, сунул медальон в задний карман джинсов, стащил изодранный бронжилет и набрал Петра Васильевича.

– Как прошло? – в голосе криминалиста звучали одновременно тревога и облегчение при звуке голоса племянника.

– Всё в норме, дядь. Я её успокоил. Твоя смесь – отличная штука. И у меня есть сувенир для тебя. А как там мои шашлыки?

– Не вышло с ними. Замотался я сегодня, – ответил эксперт. – С меня ресторан, только сначала опишем твоё дело. Другие должны знать, как бороться с полудницами и чем-то подобным.

– Думаешь, где-то есть ещё такая мерзость?

– Не знаю. Я в последнее время чувствую наступление бури. По всей России пропадает всё больше людей. Обсудим, давай, жду тебя.

Перед тем как сесть в машину, Артём в последний раз окинул взглядом бескрайнее, колышущееся и теперь уже безопасное поле. Взревев двигателем, вздымая клубы пыли, «Нива» ускорила и, оглашая окрестности раскатами рок-музыки, помчалась в сторону посёлка...

Домовой

Он не держал зла на очередных хозяев жилища, в котором обитал. Слишком много их сменилось за последние двести лет в доме, который домовый выбрал в качестве постоянного прибежища. Недобрые намерения у сверхъестественного существа по отношению к людям вполне могли накопиться за прошлые несколько попыток изжить его из родного дома. Домового безуспешно пытались извести священнослужители, знахари и даже одна настоящая ведьма в конце девятнадцатого века. Тогда домового щедро окатили обжигающей, вязкой жидкостью из глиняной бутылки, неожиданно появившейся в руках вёрткой старухи.

Наполовину материальное тело домового покрылось адски болезненными язвами, но он всё-таки успел, подвывая, удрать от злобной женщины в вентиляцию и там затаиться на несколько месяцев, заживляя раны и изредка питаясь мышами. Благо, домашний дух мог принимать разные формы и размеры – от размеров кошки до взрослого человека на довольно продолжительное время.

Ведьма сочла свою миссию выполненной и, получив обещанную награду от людей, живущих в доме, навсегда исчезла из жизни перепуганного существа. С тех пор домовый вёл себя как можно тише, даже когда сменились хозяева, пригласившие ведьму, и в дом пришли другие люди.

Минуло больше сотни лет, но домовый всё так же скрывался от взрослых обитателей старинного двухэтажного особняка, помня о ранившей его ведьме. Лишь иногда, в ночное время, он показывался детям, которых охранял от дурных снов и кошмаров и убаюкивал во сне. Впрочем, куда больше внимания и ласки доставалось домашним питомцам, в частности – котам, которых домовый обожал.

Вот и сегодняшней ночью, он с удовольствием чесал живот развалившемуся на спине толстому сибирскому коту, прислушиваясь к урчанию животного и к тихому посапыванию в соседней комнате – маленькой хозяйки питомца, светловолосой восьмилетней девочки. Родители ребёнка оставили её одну в эту ночь до самого утра, отправившись на свадьбу к родственникам.

Замок железной входной двери тихо щёлкнул, умело вскрытый профессиональной отмычкой. Дверь беззвучно открылась и плотно сложенный человек в тёмной одежде, мягко ступая, проник в полумрачный коридор квартиры, которую он ещё месяц назад наметил своей целью. Два ночных светильника в виде красных стеклянных роз, закреплённых на стене, давали достаточно освещения, чтобы мгновенно спрятавшийся между боковой стенкой шкафа и комодом домовый мог видеть лицо преступника. Кот тут же ретировался при виде странного незнакомца.

Безумие сверкнуло в отблеске глаз мужчины, а кривая улыбка, предвкушающая расправу над спящей маленькой жертвой, окончательно выдавала в нём психически нездорового человека. В правой руке человек держал нож с широким лезвием, готовясь в очередной раз пустить его в дело. За последние три года он шесть раз совершал свои чёрные дела, и каждый раз уходил от справедливого возмездия, оставляя обезображенные бездыханные тела. Звук шагов мужчины, утопающих в ковровых дорожках, не был слышен.

Для обычного человеческого уха звук шагов не был слышен, но не для чуткого слуха домового, не сводящего пристального взора из тёмного угла с крадущегося человека.

По неписанным правилам своей необычайной природы хранитель домашнего очага не мог напасть на любого человека без последствий для самого себя. Домовой мог лишь

помогать людям, оберегая их жилища от пожаров, стихийных бедствий и злых бездомных духов, мечущихся между измерениями. Мог также предупредить о близкой опасности или даже смерти, принимая облик умерших родственников и являясь хозяевам во снах. Но вмешиваться в смертельный конфликт между людьми... После такого действия, домовому пришлось бы покинуть свое убежище и подыскивать новый дом, иначе бы он трансформировался в неподконтрольное себе самому существо, рано или поздно причинившее бы вред человеку.

Домашний дух это прекрасно осознавал. Даже исчезни эти люди, которых он оберегает, вместо них придут другие, за другими – третьи. И снова настанет спокойная, привычная жизнь. Однако домовый попробовал помочь девочке. Когда убийца приблизился к приоткрытой двери в комнату безмятежно спящего ребенка, хранитель очага быстрой тенью скользнул у ног преступника в направлении детской кровати.

На мгновение приобретя мохнатую, плотную форму, домовый сильно толкнул спящую девочку в хрупкое плечо, предупреждая о вторжении. Толчок вышел довольно болезненным, но своё действие возымел. Девочка испуганно распахнула глаза, ещё плохо соображая после сна, но отчетливо увидев чёрный силуэт с ножом в красноватом проеме двери своей комнаты. Она потянулась за мобильным телефоном, лежащим рядом на тумбочке, но его там не оказалось. Телефон, подключённый к зарядному устройству, мигал крохотным белым огоньком на столике возле незваного гостя.

Крик ужаса застыл у девочки в горле, она только сдавленно пискнула, когда незнакомец направился к ней, шепча себе под нос нечто угрожающее. Ребенок, трясаясь от страха, безнадёжно попытался спастись, прижавшись ближе к спинке кровати и натянув на себя одеяло, как будто оно могло защитить от маньяка. Крик о помощи мало чем мог помочь – в небольшом старинном двухэтажном доме нынче жилой была всего лишь одна квартира из четырех. Остальные, выставленные на продажу, пустовали.

Преступник подошел совсем близко и занес над девочкой блеснувший клинок. Перепуганная малышка в паническом ужасе закрыла глаза и заставила себя представить, что ничего такого вокруг неё не происходит.

Рука с ножом пошла вниз и остановилась на полпути, вновь поднимаясь в исходное положение. Неимоверно сильные, покрытые густой шерстью, руки с длинными, кривыми пальцами, похожими на человеческие, оттащили ошеломлённого мужчину за плечи от его жертвы.

Сумасшествие легко воспринимает сверхъестественное. Безумец быстро пришёл в себя. Он ударил наотмашь ножом, воткнув лезвие во что-то плотное. На всю квартиру раздался протяжный стон и после него – угрожающее рычание. Получивший болезненную, но не опасную рану, домовый моментально изменил пораженный участок своего тела, заставив исчезнуть внушительную дыру в боку. Хранитель дома вытянулся вверх, нависая над мужчиной и всё так же удерживая незнакомца спиной к себе. Затем многократно усилил давление на ключицы врага. Кости убийцы хрустнули, словно тростинки, вместе с кожей лопнули разорванные чудовищным усилием мышцы. Нож бессильно выпал из разжавшейся кисти мужчины, а хлынувшая кровь залила одежду безумца и лицо домового. Попав на кожу существа, кровь подействовала подобно катализатору, добавив ярости домашнему хранителю. Если изначально он собирался отнять оружие и вышвырнуть врага за пределы квартиры, то теперь действовал инстинктивно.

Острые клыки пробили черепную коробку безумца, а верхние конечности домового продолжили ломать кости и рвать плоть уже мёртвого маньяка. Потом, испуганно взревев, домовый швырнул безжизненное тело в окно. Ночной пришелец вышиб своим весом двойной стеклопакет и вылетел на заасфальтированную площадку перед домом, так и застыв там, внизу, бесформенной изломанной грудой.

Победно фыркнув, домовый воздел вверх окровавленные руки-лапы, собираясь торжественно зареветь, но вдруг увидел собственное отражение в небольшом круглом зеркальце, висящем на стене детской комнаты. Из зеркала на него глядела наполовину такая же тварь, которую он полвека назад не пустил в этот дом. Он попытался вернуть прежнее нематериальное состояние... и не смог. Это была цена за вмешательство. В последний раз взглянув на девочку, сидящую с зажмуренными глазами на кровати, домовый вздохнул и одним гигантским прыжком выбросил своё изменившееся тело в разбитый оконный проём. Теперь ему предстояло найти подходящий новый дом, причём очень быстро, пока он не превратился в злобного и опасного духа...

Морозко

Снежинки медленно падали с ветвей разлапистых сосен, искрясь на свету полуденного солнца и добавляя высоту лесным сугробам. Стоит только на пару шагов ступить от накатанной санями дороги, как тотчас окажешься по колена, а то и по пояс, в снегу. Мороз к середине дня стоял такой, что потрескивали ветви на деревьях.

Одна из ветвей, довольно крупная, надломилась и под своей тяжестью с шумом рухнула, придавив ногу лежащего у перевернутых саней человека. Впрочем, человеку уже было все равно. Грудная клетка заостеневшего тела была пронзена ледяным столбом, в ладонь шириной, а замерзшие комки алой крови разной величины рассыпались овалом вокруг мертвеца. Чуть поодаль, запрокинув назад голову, лежал на боку бородатый мужчина в армяке, изодранном тонкими ледяными шипами. Его безжизненные, синеватого оттенка, руки мертвой хваткой держали оборванные вожжи, а сама лошадь застряла в сугробе, прислонившись к стволу старой ели. Падавший с ветвей снег оседал на круп и голову животного... и не таял.

Молодой человек, лет двадцати пяти на вид и приятной наружности, с интересом и без малейшего страха и волнения разглядывал картину недавно разгулявшейся смерти. Он, словно выполняя рутинную работу, переходил от тела к телу, а по пятам за ним, следовал рослый мужик в овчинном тулупе с увесистой сумой на спине и бубнил себе под нос.

– Говорил я вам, барин, чтоб тулуп надевали, ишь какой мороз давит, – сердито ворчал мужик. – А ещё я снова вам скажу, что нечего тут нам делать. И господин полицмейстер того же мнения.

– По-твоему, это не наша забота, Фёдор? – обернулся к мужику и с ехидцей спросил «барин». – Как в деле с Марией и медведями-людоедами или птицами, уносившими малых детей?

Фёдор замолк на секунду, но потом взвился, как укушенный.

– Да нас из-за этой Марии едва с костями не сожрали! У меня до сих пор на спине раны не зажили, – возмущенно завопил он. – И ведь месяца не прошло, как мы снова куда-то лезем!

– Ну не сожрали ведь. Помогай, давай, – меланхолично произнёс молодой человек, вернувшись к осмотру трупов, и тихонько добавил. – Маша стояла того риска.

Ещё около часа эта странная пара изучала останки, срезая лоскуты одежды и собирая в дымчатую колбу замёрзшую кровь, прежде чем позволила изрядно озябшим солдатам убрать с дороги опрокинутые сани и погрузить тела на подводу под командой пожилого полицмейстера с седыми бровями усами.

Мало-помалу в лесу поднимался ветер, заставлявший ежиться даже тепло одетых людей. Фёдор и «барин» тем временем сложили сумки и ящики с инструментами в свои сани, потеснив несколько странно выглядевших топоров и рапир. Один из ящиков, накренившись, начал сползать с саней и Фёдор едва успел его подхватить. От резкого движения полы тулупа распахнулись и на пояском ремне Фёдора блеснули полированным железом два пистолета с богатой золотой чеканкой. У солдат, с интересом наблюдавших за Фёдором, едва самокрутки не выпали из разинутых ртов от такого богатства «слуги».

– Готово, Пётр Иннокентьевич. Мы вам больше не нужны? – спросил полицмейстер молодого человека, пританцовывая из-за пронизывающего шинель ветра. Ему явно хотелось быстрее покинуть это место и не только от усиливающегося мороза и ветра.

– Езжайте. Всё что могли, мы узнали, – устало улыбнулся тот. – Мы за вами поедем.

– Встретимся у Пелагеи. Опрокинем по чарке и поведаете свои выводы, – с этими словами полицмейстер откланялся.

– Эх, ба-а-арин, заморозили своего несчастного слугу совсем... – жалобно протянул Фёдор и расхохотался, успев увернуться от летящего в сторону его головы увесистого кулака.

– Еще раз назовешь меня барином, не посмотрю на то, что ты мой родственник, а не только компаньон! – шикнул Пётр, поудобнее усаживаясь на топчан, и понукая пару впряжённых вороных.

Сани легко заскользили от ужасного места в сторону постоянного двора Пелагеи, где их ждали тёплые комнаты и горячая еда. Злосчастный поворот уже скрылся из виду, Фёдор что-то бормотал про то, что прилюдно ему все равно придется звать его «барином», чтоб теперь подозрения не вызывать, а Пётр погрузился в воспоминания, ничего ему не отвечая. В его голове возник образ Василисы, после знакомства с которой, они с Фёдором уже лет пять путешествуют по России, помогая людям избавиться раз и навсегда от тьмы и страха.

– Кажется, тут мы уже проезжали, – через час пути по бесконечным одинаковым заснеженным участкам дороги неуверенно произнес Фёдор, почесывая приклеенную бороду.

– Проезжали, – мрачно подтвердил Пётр, когда их сани вывернули к знакомым перевернутым саням и кровавым пятнам. Тут лошади встали как вкопанные, захрапели, вырывались из упряжи, отказываясь идти дальше даже после ударов кнутом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.